

На правах рукописи

Гильминтинов Роман Радиевич

**ИСТПРОФ И ОСОБЕННОСТИ ПРОФСОЮЗНОГО
ИСТОРИОПИСАНИЯ В СССР В 1920–е гг.**

07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Томск – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Шевцов Вячеслав Вениаминович

Официальные оппоненты:

Петрик Валерий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», отделение социально-гуманитарных наук, профессор

Красильникова Екатерина Ивановна, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный технический университет», кафедра истории и политологии, профессор

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Защита состоится 20 декабря 2019 г. в 14 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.03, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 36 (учебный корпус № 3, аудитория 27).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: <http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/GilmintinovRR20122019.html>

Автореферат разослан «___» октября 2019 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Румянцев
Петр Петрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. Сегодня история является одной из важнейших гуманитарных дисциплин, но ни в России, ни в других странах профессиональные историки не имеют монополии на знание о прошлом. Неакадемическое историческое знание принимает различные формы и часто подвергается жестокой критике со стороны исследователей-профессионалов. Так, концепции «воображаемых сообществ» Б. Андерсона и «изобретенных традиций» Э. Хобсбаума проблематизируют основания национальных идеологий, показывая, что их якобы глубокие исторические корни по большому счету сконструированы совсем недавно в политических целях¹. Похожим образом, хотя и с других политических позиций, А.И. Миллер критикует историческую политику в посткоммунистических странах Восточной Европы². Вдобавок к этому и на Западе, и в России историки активно борются с проблемой засилья фолк-истории на книжном рынке³. Антинаучные концепции, подобные «новой хронологии» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, получают подчас большое распространение, и для профессионалов важно достойно отвечать на вызовы фальсификаторов истории.

Не отрицая необходимости борьбы против антинаучных концепций и злоупотребления историей в политических целях, нужно заметить, что в последнее время развиваются новые, более продуктивные подходы к проблеме взаимодействия между профессиональной историографией и обыденным историческим сознанием, связанные с феноменом публичной истории. Публичная история – это собирательный термин, который описывает различные формы практической деятельности профессиональных историков за стенами университетов и научных институтов. Несмотря на большую разнородность этих деятельностей, для них всех центральной является установка на *диалог* с публичной сферой. Вместо просветительского пафоса, который предполагает однонаправленное движение знания от профессионалов к обывателям, публичные историки активно вступают во взаимодействие и готовы не только учить, но и учиться⁴.

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. 413 с.; The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, T.O. Ranger, Cambridge ; New York, 1992. 320 p.

² См.: Историческая политика в XXI веке : [сб. ст.] / под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012. 646 с.

³ Укажем лишь несколько крупных работ, вышедших в России и за рубежом: Антифоменко. Сборник Русского исторического общества. М., 2000. Т. 3 (151). 335 с.; Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М., 2005. 320 с.; Shermer M., Grobman A. Denying History: Who Says the Holocaust Never Happened and Why Do They Say It? Berkeley, 2000. 312 p.; Barzun J. Clio and the Doctors: Psycho-History, Quanto-History, & History. Chicago, 1974. 173 p.

⁴ Публичная история: между академическим исследованием и практикой [Электронный ресурс] / А. Завадский [и др.] // Неприкосновенный запас. 2017. № 2 (112). Электрон. версия печат. публ. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/112_nz_2_2017/article/12529/ (дата обращения: 14.01.2019).

В этом контексте представляется актуальным изучение опыта раннесоветских исторических проектов, в особенности Комиссий по изучению истории профессионального движения в России (Истпрофов). В занятиях этих комиссий центральную роль играли простые профсоюзные активисты, рабочие и служащие. Они делились своими воспоминаниями, работали в архивах, обрабатывали исторические материалы, готовили выставки и читали лекции. Изучение опыта Истпрофов может стать полезным для современных публичных историков в России, которые открыты к диалогу с гражданским обществом и готовы помогать ему обрести свое историческое сознание.

Степень изученности темы. Историописание 1920–1930-х гг. в историографии часто рассматривается как арена идеологического противостояния. Так, В.И. Клушин писал, что в начале 1920-х гг. Петрограде «на платформе антимарксизма и антисоветизма объединились... видные историки старой школы, теоретики эсеровского и других мелкобуржуазных направлений. Единому фронту идеологической контрреволюции противостоял в те годы численно небольшой отряд советских ученых-марксистов»⁵. Сфокусировавшись на наиболее раннем периоде развития советской историографии (1917–1923 гг.), Г.Д. Алексеева в своей книге «Октябрьская революция и историческая наука в России» (1968) также писала об «острейшей идейной борьбе» между «буржуазным» и «марксистским» лагерями в исторической науке⁶.

Эта же линия развивается в работах других советских историков 1960–1980-х гг. В книге С.А. Федюкина раннесоветская историография рассматривается в более широком контексте. Он писал о том, каким образом советская власть пыталась привлечь на свою сторону инженерно-техническую, научную и военную интеллигенцию⁷. Также о привлечении на свою сторону буржуазных историков писал М.С. Волин: «Остро критикуя буржуазное мировоззрение старых историков, коммунисты бережно и тактично относились к тем ученым, кто включился в советскую жизнь»⁸. Л.В. Иванова описывала развитие системы исторического образования в СССР том же ключе. Недостаток кадров вынуждал привлекать для исторической работы порой неблагонадежных буржуазных специалистов, именно поэтому скорейшее воспитание нового поколения историков становилось первостепенной задачей партии в области исторической политики⁹.

Важно отметить, что несмотря на очевидную разницу в оценках, западные исследователи в 1960–1980-е гг. разделяли многие подходы своих советских

⁵ Клушин В.И. Первые ученые-марксисты Петрограда. Л., 1971. С. 9.

⁶ Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). М., 1968. С. 7; См. также: Алексеева Г.Д., Желтова Г.И. Становление и развитие советской системы научно-исследовательских учреждений (20–30-е гг.). Ташкент, 1977. 136 с.

⁷ Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. 255 с.

⁸ Волин М.С. Истпарт и советская историческая наука // Великий Октябрь : история, историография, источниковедение. М., 1978. С. 25.

⁹ Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки : подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг. М., 1968. С. 4.

коллег. Они изучали то, как советская власть работала с прошлым в 1920-е гг., также писали о марксистской и не-марксистской историографиях, исследовали механизмы использования истории в качестве инструмента пропаганды и идеологии¹⁰. В обоих случаях партия становилась центром повествования о раннем советском историописании или в терминах «заботы» и «защиты», или же в качестве тирана, манипулирующего фактами ради своей политической выгоды. И советские, и американские историки фокусировались на идеологических противостояниях, которые пронизывали советскую историографию 1920-х гг.

Однако важнейшие исторические проекты 1920-х гг. были ориентированы в большой степени на аккумуляцию фактов. Одновременно с пересмотром старых трактовок известных событий на новых идеологических основаниях происходил сбор документов и воспоминаний о той истории, которая отсутствовала в дореволюционных учебниках – это история революционного движения. Эту историю нужно было не столько переопределить, сколько создать заново. Такие проекты как Истпарт (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)), Истпрофы (Комиссии по истории профессионального движения), Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Общество старых большевиков и другие ставили в качестве своих первоочередных задач сбор материалов для истории. Члены этих комиссий изучали архивы, собирали воспоминания и свидетельства, организовывали архивы и музеи. Таким образом, революционная история в 1920-е гг. создавалась на основе производства фактов и их идеологической интерпретации.

Еще одной важной особенностью этих исторических проектов является то, что они работали за пределами научной среды. В постановке своих задач и в методах работы партийные и профсоюзные историки были тесно связаны с институтами, для которых они писали историю. Настоящая работа основана на материалах Истпрофов, чтобы показать, каким образом включенность этих комиссий в сложную структуру советских профсоюзов повлияла на содержание создававшейся ими истории.

Такого рода неакадемические исторические проекты уже на протяжении нескольких десятков лет продуктивно изучаются в междисциплинарном поле исследований памяти. Исследуя конструирование прошлого, историки предполагают (часто априорно) некоторую прагматику власти. Они пишут о возможностях этого инструмента для создания общностей и обращают отдельное внимание на то, как с помощью прошлого конструируются нации. В случае с советской историей, этот сюжет связан с изучением «великого отступления» И.В. Сталина от революционных идеалов классовости и

¹⁰ Enteen G.M. Marxists versus Non-Marxists: Soviet Historiography in the 1920s // *Slavic Review*. 1976. Vol. 35, № 1. P. 91–110; White J.D. Early Soviet Historical Interpretations of the Russian Revolution 1918–24 // *Europe-Asia Studies*. 1985. Vol. 37, № 3. P. 330–352; Frankel J. Party Genealogy and the Soviet Historians (1920–1938) // *Slavic Review*. 1966. Vol. 25, № 4. P. 563–603; Holmes L.E., Burgess W. Scholarly Voice or Political Echo? Soviet Party History in the 1920s // *Russian History*. 1982. Vol. 9, № 1. P. 378–398.

интернационализма в 1930-х гг.¹¹. Д. Бранденбергер пишет о том, что у сталинского «руссоцентризма» была совершенно определенная прагматика – мобилизация населения¹².

Историографии по исторической памяти в 1920-е гг. ближе другая проблематика – она изучает то, каким образом обращение к прошлому помогало новой власти доказывать свою легитимность. В книге Фредерика Корни «Рассказывая Октябрь: память и создание большевистской революции» рассматриваются «истории основания» (foundation tales) Советского государства. Корни изучает, с одной стороны, то, как личный опыт отдельных людей формировал истории основания, а с другой, как процесс артикуляции личного опыта вписывал его в категории историй основания. Большевики не могли просто «выдумать» свою историю, они стремились укоренить ее в опыте людей, чтобы доказать легитимность своей власти. «Как и все нарративы основания, история Октября была процессом легитимации»¹³, – пишет Корни.

Представляется, что историография по исторической памяти в СССР, фокусируясь на прагматике использования прошлого (будь то легитимация или мобилизация), подчас упускает из виду рамки, ограничивавшие работу власти с историей. Процесс производства прошлого всегда происходит в жестких рамках, и, задавая вместо вопроса «зачем нужна такая история?» вопрос «почему создается такая история?», мы лучше видим социальные и интеллектуальные контексты процесса. В случае Советского Союза ответ на этот вопрос необходимо искать в особой научности нового режима.

Одним из важнейших оснований исследований памяти является противопоставление памяти (обыденное знание) и истории (научное знание). Согласно хрестоматийному выражению П. Нора «Память помещает воспоминание в сакральное пространство, история его оттуда изгоняет, делая прозаическим. Память порождается той социальной группой, которую она сплавливает... Напротив, история принадлежит всем и никому, что делает

¹¹ Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. М., 2009. 415 с.; См. также: Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти М., 2007. 589 с.; Платт К. Репродукция травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е гг. [Электронный ресурс] // НЛО. 2008. № 90. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/pl17.html> (дата обращения: 22.05.2018); Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda / ed. by K.M.F. Platt and D. Brandenberger. Madison, 2006.

¹² Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм... С. 5.

¹³ Corney F.C. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca, 2004. P. 9. См. также: Hartzok J.G. Children of Chapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity, 1918–1941 : Ph.D. dis. Univ. of Iowa, 2009; Kolar K.A. What Kind of Past Should the Future Have? The Development of the Soviet Archival System, 1917–1931: Ph.D. dis. UCLA, 2012; Von Geldern J. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley, 1993. 316 p.; Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? : памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск, 2015. 570 с.; Нарский И. Конструирование мифа о Гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 211–236.

универсальность ее призванием»¹⁴. В рамках этой парадигмы социальные ученые изучают то, как прошлое понимается за пределами профессиональной корпорации историков, как оно используется властью и отдельными группами общества.

Говоря о советском опыте, мы можем проблематизировать противопоставление научного и ненаучного знания о прошлом с двух точек зрения. С одной стороны, начиная со второй половины XIX века, социальные и естественные науки становятся все более прикладными, а ученые начинают оценивать свою деятельность не только с точки зрения ее истинности, но и ее пользы для общества. С другой стороны, большевики не считали, что ученые имеют монополию на научный взгляд на мир. Они рассматривали саму свою идеологию как особый тип социализма – научный, – что позволяло им делать суждения в областях, в которых они не имели специальной подготовки.

П. Холквист пишет, что в это время в России, как и во всей остальной Европе, развивается идея о возможности управления населением (*population management*) и появляются социальные науки, обеспечивающие воплощение этой идеи в жизнь: статистика, экономика, антропология, криминология и другие¹⁵. Подобную тенденцию мы можем наблюдать в естественных и точных науках. Это отразилось в складывании новой структуры научных институтов, отделенных от преподавания, но находившихся в близком контакте с задачами обороны, промышленности и сельского хозяйства. Как пишет А. Кожевников, хотя под властью большевиков ученые потеряли большую часть своей автономии и независимости, они приобрели больше социального престижа и де-факто имели влияние на принятие важных политических решений¹⁶.

С другой стороны, развитие прикладных исследований в СССР происходило на фоне постоянного вмешательства большевиков в научную жизнь. Не имея специальной подготовки, партийное руководство в течение 1920–1950-х гг. делало суждения в самых разных научных областях, поддерживая одни и репрессировав другие школы, направления и даже целые дисциплины. Это

¹⁴ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 19. Патрик Хаттон противопоставляет память и историю на основании несколько иных критериев, но не менее однозначно. См.: Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 20.

¹⁵ Holquist P. To count, to extract, and to exterminate: population statistics and population politics in late imperial and soviet Russia // *A State of Nations: Empire and Nation-making in the Age of Lenin and Stalin* / ed. by R.G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001. P. 113; Idem. In Accord with State Interests and the People's Wishes: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // *Slavic Review*. 2010 Vol. 69, is. 1. P. 151–179. О социальных науках в качестве инструмента управления населением см. также: Beer D. *Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930*. Ithaca, 2008. 229 p.; Engelstein L. *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siecle Russia*. Ithaca, 1994. 461 p.

¹⁶ Kojevnikov A. The Phenomenon of Soviet Science // *Osiris*. 2008. № 23.1. P. 122. См. также: Idem. The Great War, the Russian Civil War, and the invention of big science // *Science in Context*. 2002. № 15.02. P. 239–275; Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1996. № 3. С. 3–24; Graham L.R. The formation of Soviet research institutes: a combination of revolutionary innovation and international borrowing // *Social Studies of Science*. 1975. № 5.3. P. 303–329.

было возможно благодаря тому, что сама идеология большевиков имела важную особенность: марксизм позиционировал себя как особое, научное, учение. Ф. Энгельс писал о предшественниках К. Маркса французских социалистах-утопистах, что они только критиковали положение вещей, но не были способны его объяснить. Научный социализм же опирается на объективные научные факты, он является идеологией, поставленной на «реальную почву»¹⁷. Большевики обосновывали свою политику не поддержкой населения (оно как раз могло заблуждаться в своих мнениях), а знанием объективных законов развития общества.

Будучи носителями научного миропонимания, большевики считали себя способными не только критиковать отдельные положения ученых, но и самостоятельно создавать научный продукт. В 1920-е гг., когда они были еще неспособны установить контроль над наукой полностью, но им уже требовалась иметь свою историю, большевики организовали целую систему исторических комиссий особого типа – инкорпорированных в рамки партийных, профсоюзных и советских структур, но при этом сохранявших в своей деятельности определенный горизонт научности. Важнейшим таким центром был Истпарт, созданный в 1920 г. при Госиздате РСФСР, а в 1921 г. ставший отделом ЦК партии. По образцу Истпарта в 1920 г. при ВЦСПС была создана Комиссия по истории профсоюзного движения (Истпроф), образовавшая разветвленную сеть исторических комиссий при профорганизациях разных уровней. Именно в институтах такого типа писалась история нового государства, обосновывалась его легитимность и права на власть. Члены этих комиссий так много сил и времени тратили на обсуждение методологии, что мы просто не можем сбросить их научность со счетов – даже несмотря на наивность и даже некоторый утопизм своих теоретических установок члены Истпарта и Истпрофов явно относились к ним со всей серьезностью.

Выбор Истпрофов в качестве объектов для исследования объясняется тем, что почти полное отсутствие исследований о профсоюзном историописании выглядит по меньшей мере несправедливым, хотя и естественным. Работа Истпрофов обсуждается лишь в нескольких статьях отечественных исследователей советского и постсоветского периода. Так, Т. Иллерецкая критиковала Истпрофы за их сопротивление передаче документов профсоюзов в общегосударственный архивный фонд¹⁸. З.М. Андросенкова кратко обрисовала историю формирования и основные вехи организационной истории Истпрофов в своей статье, посвященной изучению истории рабочего движения в 1920–1930-е гг. Она также отмечала, что несмотря на большую значимость собранного Истпрофами материала, комиссии не оставили после себя обобщающих работ¹⁹. Т.А. Игнатенко в своих статьях писала о наследии

¹⁷ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. М., 1922. С. 9.

¹⁸ Иллерицкая Т. Создание и деятельность Центрального архива профдвижения и организации труда // Архивное дело. 1938. № 3. С. 70–71.

¹⁹ Андросенкова З.М. Организация изучения истории рабочего движения в России в первый период развития исторической науки (до середины 30-х годов) // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2, Серия истории, языка и литературы. 1966. № 14. С. 17.

Истпрофов намного более благосклонно. Она отмечала, что Истпрофы в своей работе шли дальше простого сообщения фактов и ставили острые теоретические вопросы, такие как проблема происхождения профессионального движения в России²⁰. На ценность материалов, собранных, подготовленных и опубликованных Истпрофами также указывалось в некоторых советских источниковедческих работах²¹.

В постсоветский период литература об Истпрофах обогатилась несколькими статьями и диссертациями, посвященным местным комиссиям, а также отдельным направлениям их работы. А.И. Шумилов в своих статьях о тех организационных трудностях, с которыми столкнулись в своей работе сибирские Истпрофы. Он отмечал, что они действовали крайне непостоянно, отсутствовала четкая структура, чувствовался недостаток подготовленных кадров²². А.В. Филимонов писал о похожих проблемах в псковском Истпрофе²³. А.Д. Протасов в своих статьях подробно проанализировал единственный сборник материалов, выпущенный Комиссией по истории социального страхования (Истсоцстрах), работавшей в качестве подсекции Истпрофа при ВЦСПС²⁴.

Научная новизна исследования. Значимость данного диссертационного исследования заключается в том, что оно впервые анализирует принципы организации всей сети Истпрофов, а также методологические установки работников центральных комиссий, которые по-разному преломлялись в деятельности отдельных комиссий на местах.

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования является профсоюзное историописание в 1920-е гг. в СССР, а предметом – та специфическая форма научности, которую приняло это историописание. В советской иерархии институтов именно партии принадлежала ведущая роль, тогда как профсоюзы после продолжительной борьбы и дискуссий 1917–1921 гг. получили статус «школы коммунизма». Однако несмотря на то, что профсоюзное историописание никогда напрямую не шло наперекор партийной линии, оно все-таки не являлось простым повторением ее нарратива ни в

²⁰ Игнатенко Т.А. Истпрофы и их роль в советской историографии // Исторические записки. М., 1979. Т. 104. С. 249. См. также: Игнатенко Т.А. Утверждение ленинской концепции истории профессионального рабочего движения в революции 1905–1907 гг. (20-е – начало 30-х гг.) // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978. 317 с.

²¹ Кирьянов Ю.И., Шалагинова Л.М. Материалы фондов Комиссий истпрофов как источник по истории рабочего класса в России // Вопросы истории. 1978. № 5. С. 54–77.

²² Шумилов А.И. Создание сибирских истпрофов и их деятельность по изучению профсоюзного движения в 1905–1920 гг. // Омский научный вестник. 2006. № 8 (45). С. 23. См. также: Его же. Издания истпартов, истпрофов и истмолов Сибири // Гуманитарные науки Сибири. 2008. № 3. С. 46–50.

²³ Филимонов А.В. Псковский Истпроф // Псков. 2015. № 43. С. 5–11.

²⁴ Протасов А.Д. Судьба и материалы первого сборника Истсоцстраха 1928 г. [Электронный ресурс] // Ученые записки : электрон. науч. журнал Курск. гос. ун-та. 2015. № 4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-i-materialy-pervogo-sbornika-istsotsstraha-1928-g> (дата обращения: 21.05.2019); Его же. Опыт периодизации отечественной историографии дореволюционного страхования рабочих в первые десятилетия советской власти (конец 1917 – середина 1941 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2 (66). С. 50–56.

содержательном, ни в методологическом плане. В этой работе предпринимается попытка показать, каким образом та форма научности, которой следовал Истпроф, была связана с положением профсоюзов в советском обществе.

Цель и задачи исследования. Целью данного исследования является определение особенностей научности раннесоветского профсоюзного историописания. Достижение данной цели подразумевает решение следующих задач:

1. Проанализировать институциональный контекст работы Истпрофов. Истпрофы были глубоко «вплетены» в структуру профсоюзов. На профсоюзное историописание оказывало влияние то место, которое профсоюзы занимали в иерархии советских институтов, наложение производственной и территориальной логик организации профсоюзной системы, высокий уровень независимости профорганизаций разных уровней друг от друга, а также взаимодействие с партией и Центрархивом.

2. Изучить теоретические основания исторических исследований, которые вели Истпрофы, методы работы с материалами, их публикации и анализа. Одним из проектов Истпрофов была попытка обосновать учение о профессиональном движении в качестве самостоятельной дисциплины.

3. Выявить особенности текстов Истпрофов, главной чертой которых являлось то, что они не образуют цельного нарратива профессионального движения, а распадаются на отдельные сюжеты. Эта «разорванность» полотна истории профессионального движения связана, с одной стороны, с ориентированной на накопление фактов методологией Истпрофов, а с другой стороны, с инкорпорированностью этих комиссий в структуры во многом независимых друг от друга профорганизаций.

Хронологические рамки исследования представлены десятилетием между 1920 и 1930 г. В 1920 г., почти сразу после Истпарта, был учрежден Истпроф при ВЦСПС. Комиссии при других профессиональных организациях были учреждены несколько позже. В Ленинграде, например, Истпроф начал работать только в 1924 г. Весной 1930 г. после разгрома «правой оппозиции» и смены руководства профсоюзов Истпрофы были ликвидированы. Изучение истории профдвижения сосредоточилось в небольшой подсекции Института истории Коммунистической академии.

Территориальные рамки. Истпроф представлял собой целый конгломерат исторических комиссий, которые работали при ВЦСПС и губернских советах профсоюзов, при центральных комитетах отдельных союзов и их губернских отделах. Охватить в рамках одного диссертационного исследования весь этот материал невозможно, поэтому автором было принято решение сфокусировать внимание на центральной комиссии – Истпрофе при ВЦСПС, а также на материалах Ленинграда. Случай Ленинграда представляет собой удачный пример, чтобы показать наличие разных моделей, по которым исторические институты могли быть включены в рамки ведомств, потому что здесь в рамках профсоюзов существовали сразу две такого рода организации: Истпроф (в 1924–1930 гг.) и Комиссия по исследованию истории труда в России (в 1921–1925 гг.). Несмотря на институциональную близость – обе комиссии подчинялись

культотделу Ленинградского совета профсоюзов – они были очень по-разному вписаны в структуру организации.

Методология исследования. Для описания методологической основы данной диссертации необходимо обратиться к предложенному М.М. Кромом разделению методов и подходов в историческом исследовании. Методы представляют собой безличные, идеологически нейтральные, воспроизводимые исследовательские процедуры, необходимые для сбора и обработки исторических источников. Подходы же, напротив, обыкновенно связаны с конкретным автором или школой исторической мысли, они менее долговечны и не столько вооружают историков исследовательским инструментарием, сколько задают общую перспективу работы²⁵.

Подходы данного исследования тесно связаны с работами историков школы модерности. Представители этой школы исходят из того, что советский проект был тесно связан с современной европейской историей, уходящей своими корнями в эпоху Просвещения. Природа этой связи является предметом дискуссий среди представителей школы модерности²⁶. Несмотря на это представляется убедительным аргумент о том, что рационализация и секуляризация, вера в безграничную силу науки и человеческого разума, современные методы управления населением были чертами общими как для западных демократий, так и для советского проекта²⁷. Подходы школы модерности представляются удачной линзой для анализа раннесоветского официального историописания. Они позволяют уйти от упрощенного противопоставления настоящей науки и ее фальсификаций, а также увидеть, каким образом научность самого советского проекта повлияла на структуру его исторической идеологии.

Переходя от подходов к методам, нужно отметить, что в основе данной диссертации лежат общенаучные методы анализа и синтеза, а также принцип объективности в работе с историческими источниками. Автором были также использованы сравнительный и типологический методы для исследования работы отдельных исторических комиссий и понимания общей картины

²⁵ Кром М.М. Введение в историческую компаративистику. СПб., 2015. С. 127–128.

²⁶ См.: David-Fox M. Multiple modernities vs. neo-traditionalism: On recent debates in Russian and Soviet history // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2006. S. 535–555; Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? [Электронный ресурс] // *НЛО*. 2016. Т. 4. № 140. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/4/modernost-v-rossii-i-sssr-otsutstvuyushaya-obshaya-alternativna.html> (дата обращения: 14.01.2019).

²⁷ Укажем лишь наиболее значимые работы представителей школы модерности: Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995. 639 p.; *Russian Modernity: Politics, Knowledge and Practices* / ed. by D.L. Hoffmann, Y. Kotsonis. Houndsmills ; New York, 2000. 279 p.; David-Fox M. *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Oxford, 2011. 396 p.; Idem. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh, 2015. 286 p.; Hoffmann D.L. *Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Ithaca, 2014. 327 p.; Holquist P. *Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921*. Cambridge, 2002. 359 p.

профсоюзного историописания. Кроме того, системный подход позволил рассматривать Истпрофы в широком контексте политической и интеллектуальной истории Советского Союза 1920-х гг.

Источниковая база исследования. Ключевой группой источников данного диссертационного исследования являются делопроизводственные документы. С одной стороны, эта группа включает в себя опубликованные материалы, относящиеся к истории профсоюзов и партии большевиков в первой трети XX в. Эти материалы представляют собой опубликованные материалы партийных и союзных съездов и конференций, протоколы и стенографические отчеты, а также резолюции. Данные источники позволяют реконструировать широкий политический контекст, в котором разворачивалась деятельность Истпрофов. С другой стороны, автором были изучены делопроизводственные документы центрального Истпрофа при ВЦСПС в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ), а также одной из ключевых региональных комиссий – Истпрофа при Ленинградском губернском совете профессиональных союзов (ЛГСПС) в Центральном Государственном Архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Документы центрального Истпрофа выделены в ГАРФе в отдельный фонд (Ф. 6935. Комиссия по изучению истории профессионального движения при Всесоюзном Центральном Совете профессиональных союзов и центральных комитетах профессиональных союзов) и представлены большим разнообразием жанров. Они включают в себя положения и циркуляры, протоколы заседаний комиссий, докладные записки отдельных работников Истпрофа, описи собранных и обработанных материалов, инструкции для комиссий на местах, а также переписку с профсоюзными и другими организациями. Документы Ленинградского Истпрофа, в свою очередь, не выделены в отдельный фонд и хранятся в ЦГА СПб вместе с другими материалами ЛГСПС (фонд Р-6276. Ленинградский областной совет профессиональных союзов).

Следующей важнейшей группой источников, на которые опирается данное диссертационное исследование, являются издания Истпрофа при ВЦСПС, Истпрофов при центральных комитетах отдельных союзов, а также при губернских советах профсоюзов. Важной особенностью этой группы является ее комплексный характер. Публикуя материалы по истории профессионального движения, Истпрофы включали в них как воспоминания, так и делопроизводственные документы профсоюзов и царской охранки. Работники Истпрофов стремились подавать публикуемые ими материалы с научной непредвзятостью, но при этом очевидно придерживались классового подхода в своем анализе. Таким образом, взятые в целом издания Истпрофов сочетают в себе признаки источников личного происхождения, пропаганды и публицистики, а также научных трудов.

Также важную роль для данного исследования играет периодическая печать. Необходимо отметить, что периодическая печать Истпрофов была крайне ограниченной. Истпроф при ВЦСПС выпускал продолжающееся издание «Материалы по истории профессионального движения в России», всего вышло пять томов в 1924–1927 гг. Истпроф при Центральном комитете Союза

железнодорожников выпустил четыре номера «Информационного бюллетеня Истпрофтрана», в котором публиковались циркулярные письма для подкомиссий на местах, отчеты, планы и распоряжения. Несмотря на ограниченность периодической печати Истпрофов, обращение к журналам «Архив истории труда в России», «Красная летопись», «Вестник Социалистической академии», «Архивное дело» и др. позволили автору реконструировать интеллектуальный контекст, в котором проходила работа профсоюзных исторических комиссий.

Также автором были привлечены отдельные публицистические и законодательные источники, справочные материалы. Последний раздел третьей главы посвящен анализу единственного, но крайне важного литературного памятника – поэмы Н.Н. Асеева «Семен Проскаков» (1928), в основу которой автор положил материалы, собранные сибирским Истпрофом.

Положения, выносимые на защиту:

1. Деятельность Истпрофов была выражением тенденции к инкорпорации науки в раннем Советском Союзе. Профессионализация дисциплин подразумевала создание корпораций специалистов, работающих в специализированных научных институтах. Истпрофы были, напротив, инкорпорированы в неакадемическую структуру профсоюзов. Костяк комиссий составляли сами же профсоюзные работники, а производство исторического знания тесно переплеталось с практическими задачами профсоюзов.

2. В отличие от Истпартовской историографии, развивавшейся в централизованной структуре партии, Истпрофы работали в гетерогенной институциональной среде. Наложение территориального и производственного принципов организации советских профсоюзов оказало большое влияние на работу Истпрофов и создавало напряжение между историями отдельных профсоюзных организаций.

3. Ключевой методологической установкой, которой Истпрофы руководствовались в своей работе, был «радикальный индуктивизм». Написание научной истории, то есть истории, не только описывающей события, но и объясняющей их, возможно только после долгого периода накопления и проверки простых фактов. Этот подход определил основное направление работы Истпрофов – они собирали материалы для будущего историка, не стремясь давать фактам объяснений.

4. Работа Истпрофов позволяет поставить под вопрос основополагающее для исследований исторической памяти разделение научного и обывательского знания о прошлом. Хотя работники Истпрофов не были профессиональными историками и работали за пределами академических институтов, их деятельность имела определенный горизонт научности.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования были представлены на международных конференциях: МАРКС-200. Политика, теория, социализм (Берлин, 2018), Конференция Северо-Восточного отделения Ассоциации Славянских, Восточно-Европейских и Евразийских исследований (Нью-Йорк, 2018), Ежегодная Конвенция Ассоциации Славянских, Восточно-Европейских и Евразийских исследований (Вашингтон, 2016), Конференция «Время и темпоральность» (Кембридж, 2016).

Структура данной работы включает в себя введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы и приложение, в котором приведена номенклатура изданий, выпущенных Истпрофами в 1923–1930-х гг.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается общая характеристика работы, обосновывается ее актуальность и научная значимость, определяются объект и предмет исследования, хронологические и территориальные рамки, цель и задачи работы, характеризуется методологическая основа исследования, его источниковая база, оценивается степень изученности темы в историографии, формулируются выносимые на защиту положения.

В первой главе **«Институциональные рамки профсоюзного историописания»** рассматривается институциональный контекст работы профсоюзных исторических комиссий.

Первый раздел **«Профсоюзы в структуре советского общества и институционализация сети Истпрофов»** посвящен краткому описанию того, какое положение заняли профсоюзы в системе советских государственных и общественных институтов, а также анализу процесса формирования Истпрофов при ВЦСПС и при других профсоюзных организациях.

Вопрос о том, какую роль должны играть профсоюзы, возник сразу после Октябрьской революции. Профсоюзы потеряли большую часть своей независимости, что было связано с политикой большевиков по «огосударствлению» профсоюзов. Результатом дискуссии о профсоюзах, которая развернулась в партийной среде между IX и X съездами РКП(б), стало торжество ленинской формулы «профсоюзы – школа коммунизма». Для осуществления своих функций советские профсоюзы образовывали разветвленную сеть организаций, сочетавшую в себе производственный (союзы металлистов, текстильщиков, железнодорожников и т.д.) и территориальный (советы профсоюзов Ленинградской, Нижегородской, Московской и других губерний) принципы одновременно. Так как Истпрофы создавались не централизованно, а каждой профессиональной организацией в отдельности, это натяжение между производственным и территориальным измерениями оказало большое влияние на производившиеся в них истории профессионального движения.

Создание исторической комиссии при ВЦСПС было инициировано М.П. Томским на Пятой всероссийской конференции профсоюзов 3–7 ноября 1920 г. В первый состав комиссии вошли такие крупные фигуры профсоюзного движения как С.А. Лозовский, Д.Б. Рязанов, писатель В.М. Бахметьев. Каждый из этих деятелей был занят другой партийной и союзной работой на самом высшем уровне, поэтому времени на исторические занятия у них почти не оставалось. По этой причине активную деятельность комиссии удалось только в 1922 г., когда из профсоюзной среды были выделены люди, не занимавшие таких ответственных постов.

С начала 1922 г. и вплоть до упразднения комиссии в 1930 г. Истпрофом фактически руководил Юрий Константинович Милонов (1895–1980),

большевик, переведенный в Москву из Самары. Другие члены нового состава комиссии Истпрофа при ВЦСПС (А.С. Кац, С.Я. Рапопорт, М.Н. Заяц, Р.М. Якуб, Г.А. Либстер) были рядовыми профсоюзными работниками.

На фоне организационных трудностей Истпрофа при ВЦСПС, некоторые другие профорганизации развернули активную деятельность уже в 1921 г. Так, например, первые публикации Истпрофов союза транспортных рабочих и рабочих-сахарников вышли еще в 1922 г., тогда как головной Истпроф выпустил два выпуска систематического указателя литературы по профессиональному движению только годом позже.

Во втором разделе *«Ленинградский Истпроф и Ученая комиссия по исследованию истории труда в России»* рассматривается случай профсоюзного историописания в Ленинграде, где в рамках совета профсоюзов (ЛГСПС) работали сразу две исторические комиссии, по-разному вписанные в структуру этой профорганизации.

Ученая комиссия по исследованию истории труда в России была создана 18 февраля 1921 г. при Петроградском совете профсоюзов. Ядро Комиссии составляли профессиональные историки. Возглавлял ее Сергей Федорович Платонов – профессор русской истории Петербургского университета, представитель старшего поколения петербургских историков. Реальное же руководство работой Комиссии осуществляли Юлий Исидорович Гессен, Иосиф Михайлович Кулишер и Александр Евгеньевич Пресняков.

Особенностью Комиссии по истории труда в России была ее большая независимость от профсоюзного руководства. Согласно положению, опубликованному во втором номере «Архива истории труда в России», Комиссия была свободна в выборе тем и подходов к исследованию, сама определяла приоритетные направления работы и осуществляла контроль за выполнением отдельных ее этапов, самостоятельно избирала из своей среды председателя и его заместителя (управляющего делами), членов редакционной коллегии журнала, а также назначала штатных и временных сотрудников.

В отличие от Комиссии по истории труда, Ленинградский Истпроф был глубоко включен в структуру профсоюзов. Истпроф включен в иерархию подразделений ЛГСПС, он существует не «при», а явным образом «в» культурно-просветительном отделе. В отличие от Комиссии по истории труда, которая обещала дать только эфемерные «руководящие нити для будущего», исследуя, например, крестьянский труд в XVII веке, Истпроф был вовлечен в повседневную работу ЛГСПС: упорядочивал архивы совета и отдельных союзов, занимался просвещением рабочих, организовывал музеи, писал об истории самих организаций.

Третий раздел первой главы *«Особенности организации сети Истпрофов»* посвящен анализу того, каким образом исторические комиссии были инкорпорированы в структуру профсоюзов и архивной работе Истпрофов.

Важным фактором для работы Истпрофов было наложение производственной и территориальной логик организации профсоюзов в СССР. Институциональная «матрешка» Истпрофов не была линейной. У каждого губернского отдела было сразу два руководства: территориальные органы –

губернские советы союзов и производственные органы – центральные комитеты профсоюзов. Например, Ленинградский губотдел союза текстильщиков должен был отчитываться и перед Ленинградским губернским советом профсоюзов, и перед центральным комитетом союза рабочих текстильной промышленности в Москве. Нарратив истории профессионального движения был все время в натяжении между территориальной и производственной логиками организации профсоюзов. Эти два направления редко напрямую противоречили друг другу, но, находясь в разных плоскостях, делали разные факты значимыми и по-разному организовывали материал.

Сохранение, упорядочение и изучение союзных архивов с определенного момента становится одной из важнейших функций Истпрофов всех уровней. Причем они работали не только с историческими (до 1919 г.), но и с текущими архивами, как бы сшивая воедино историю и современность, разрушая границу между исследованием профсоюзов и осуществлением их непосредственной деятельности. В основу системы архивной работы профсоюзов была положена сквозная десятичная классификация. Материал в ней был разделен по проблемам профессионального движения, а хронологические и территориальные критерии распределения материала отходили на второй план. Эта классификация организовывала материал вокруг современных направлений профсоюзной работы таких как бюджеты союзов, тарифная политика, агитационная и культурно-просветительская деятельность, съезды и конференции и так далее. Прошлое при таком подходе – материал для более эффективной работы, способ понять и объяснить текущее положение дел и принять правильное решение.

Такое отношение профсоюзов к собственным архивам привело к конфликту с Центральным архивным управлением (Центрахивом). По декрету Совнаркома «О реорганизации и централизации архивного дела» (1 июня 1918 г.) все ведомственные архивы упразднились, а их документы включались в Единый архивный фонд, управлял которым Центрархив. Этот орган требовал от профсоюзов передавать на хранение документы по прошествии пятилетнего срока после выхода их из оборота. Однако работники Истпрофов выступили против передачи союзных архивов в Центрархив.

После долгих дискуссий профсоюзы согласились на передачу своих документов в Единый архивный фонд, но их физического перемещения не производилось, сами папки с документами, описи и картотеки оставались в помещениях ВЦСПС. Не изменилась и система классификации документов – она по-прежнему основывалась на отдельных вопросах профдвижения.

Вторая глава **«Методология профсоюзного историописания»** посвящена теоретическим и методологическим установкам, которым в своих занятиях следовали работники Истпрофов.

В первом разделе **«Профсоюзное дисциплиностроительство»** анализируется проект построения науки о профсоюзах в качестве самостоятельной дисциплины.

Наиболее последовательной попыткой выстроить теоретическую основу истпрофской работы в форме, доступной рядовым профработникам, стала книга М.Я. Гордона (1892–1942) «Как изучать профессиональное движение»,

вышедшая в 1925 г. Книга М.Я. Гордона представляет собой примечательную попытку обосновать новую дисциплину – учение о профессиональном движении – и описать основные ее элементы, организационные принципы и методы работы. Исходным тезисом М.Я. Гордона является пролеткультовская идея о том, что наука имеет классовый характер: у буржуазии она одна, а у пролетариата – другая.

М.Я. Гордон пишет о профессиональном движении как об отдельной сфере общественной жизни, которая требует отдельного изучения, имеет отдельную периодизацию и отдельную методологию. В то же самое время, в Коммунистической академии, наиболее ортодоксальном марксистском обществоведческом научно-исследовательском институте 1920-х гг., развивается противоположное видение вектора развития науки в социалистическом обществе: она должна преодолеть разобщенность школ и направлений и быть объединена общим для всех исследователей марксистским методом. Утверждение науки о профессиональном движении в качестве отдельной дисциплины М.Я. Гордоном не противоречило напрямую этой программе. Стремление рационализировать и упорядочить научное производство было общим для руководителей Истпрофов и Социалистической академии стремлением. Однако очевидна разнонаправленность этих проектов. Развитие науки о профессиональном движении вписывается в традицию дисциплиностроительства – специализации отдельных отраслей знания и становления их институтов, процесса, активно менявшего облик европейской академии с конца XVIII века. Семинарская система и выработка специфических приемов работы в каждой их дисциплин производит гуманитариев нового типа – специалистов в узких областях, посвящающих свои жизни исследованию одного или нескольких сюжетов.

Второй раздел второй главы озаглавлен ***«Научность истории профессионального движения и методы работы с фактами»***.

Одной из системообразующих для работы Истпрофов установок была идея о том, что процесс исследования прошлого должен четко разделяться на два этапа: на первом происходит сбор и обработка фактического материала; лишь после этого на его основе начинается написание аналитической истории, в которой авторы начинают говорить о причинно-следственных связях, закономерностях и дают оценки событиям и историческим деятелям. До этого нужно позволять фактам говорить самим за себя. Несмотря на известный утопизм этой программы, она оказала большое влияние на способы работы с источниками, на организацию и приоритеты работ, на издательскую стратегию Истпрофов.

Несмотря на то, что истпрофовский акцент на фактах выглядит позитивистским, он не противоречил марксистской методологии, а был развитием определенной ее версии. В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс, с одной стороны, писал, что в основе познания должен лежать диалектический метод, то есть рассмотрение мира в его целостности и изменчивости. Выделение любого частного факта из его «естественной или исторической связи» является искусственной операцией. С другой стороны, он утверждал, что именно

разложение природы на её отдельные части было основным условием тех «исполиных успехов», которые были достигнуты в области познания природы в Новое время²⁸. Именно опора на «реальные факты» делала учение К. Маркса научным социализмом и отличало его от предшественников социалистов-утопистов.

В третьем разделе, *«Кабинеты профессионального и рабочего движения и другие способы публикации материалов»*, рассмотрена одна из важнейших организационных форм, позволявшая Истпрофам выполнять посредническую функцию между историческим источником и будущим историком. Кабинеты профессионального и рабочего движения представляли собой нечто среднее между архивом и библиотекой: в кабинетах концентрировались собранные комиссиями архивные и печатные материалы, воспоминания, а также необходимая историография по рабочему и профессиональному движению. Необходимость создания кабинета при Истпрофе ВЦСПС члены комиссии обосновывали тем, что уже собрано достаточно много материала по истории профессионального движения, и он не должен оставаться скрытым от рабочей массы и исследователей.

На Первом всесоюзном съезде Истпрофов в 1928 году было принято решение об изменении характера работы сети комиссий. Первый, «накопительный», период работы подходил к концу, собрано уже много материала; в нем есть пробелы, но уже известно, как эти пробелы восполнить. Вместо подготовки материалов для работы будущих историков работники Истпрофов сами брались за синтез, выявление закономерностей и законов развития профессионального движения, за написание «действительно научной истории». Новые задачи, однако, не делали научность Истпрофов менее ориентированной на факты, потому что научной историю профессионального движения делало именно то, что она основывалась на обширном фактическом материале, собранном в предшествующий период.

В третьей главе **«Текст профсоюзной истории: прагматика, жанровая специфика и структура»** исследуются особенности исторического нарратива, который в своей работе производили Истпрофы.

Первый раздел главы *«Прагматика издания текстов и жанр исторических материалов»* отвечает на вопрос о том, почему вообще Истпрофы стремились публиковаться на первом, накопительном, этапе своей работы.

Объективистская научность Истпрофов предполагала накопление источников для будущего историка в качестве своей основной задачи. Это утверждение делало проблематичным издательскую деятельность как таковую. Несмотря на это в 1922–1930 гг. Истпрофы выпустили около полутора сотен книг, брошюр и сборников материалов.

Второй пункт объяснял зачем сами факты – все еще частные, но уже проверенные и достоверные – должны были быть опубликованы:

²⁸ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М. ; Петроград, 1923. С. 46.

Таким образом, Истпрофы в своих изданиях стремились дать читателю материалы для истории профессионального движения, а не саму историю. Эти материалы подрывали существующие мифы, но позволяли их использовать уже не в качестве цельной истории, а как набор ценных фактов. Хотя эти факты пока не складывались в исчерпывающий нарратив, хотя их было пока недостаточно для настоящей научной истории, они несли в себе мощный деструктивный заряд, подрывавший существовавшие нарративы.

Работников Истпрофов в материалах интересовали факты, реальность, отраженная в документах. Сами же тексты, их стиль и особенности, оценки событий создателем того или документа, рассматривались лишь как помеха для непосредственного наблюдения фактов. Задачей работников Истпрофов было насколько это возможно сократить пространство между «будущим историком» и самим фактом. Это закреплялось не только на уровне риторики, но и определяло жанры и стиль работы Истпрофов.

Раздел *«Исчерпаемость материалов по истории профессионального движения и жанры обобщающих нарративов»* продолжает обсуждение видов публикаций Истпрофов, а также анализирует, какое влияние оказывала на издательские стратегии кумулятивность работы профсоюзных историков.

Работа Истпрофов имела четко очерченный горизонт – комиссия должна была подготовить исчерпывающий материал для определенного нарратива – революционной истории профессионального движения и профессиональных союзов. В этом было ее принципиальное отличие от академических исторических институтов, работа которых имела потенциально бесконечную перспективу. Общая история профсоюзов естественным образом распадалась на истории отдельных отраслевых (металлистов, железнодорожников, текстильщиков и т.д.), и на истории территориальных (губернских, городских, волостных и т.д.) объединений. С одной стороны, это создавало напряжение в текстах: одно и то же событие как бы удваивалось, потому что его включали в свои истории одновременно и территориальные, и отраслевые профсоюзные органы; с другой стороны, обе плоскости включали исчерпаемое количество единиц для изучения.

Предположение о том, что предмет изучения исчерпаем, что история профессионального движения состоит из обозримого количества элементов имело очень важное следствие: ценность того или иного издания определялась количественно, а не качественно. Когда перспектива – это описание *всех* событий, то не так уж важно, говорим мы о центральных моментах движения или же о периферийных, потому что рано или поздно нужно будет показать их все.

Такая установка не подразумевала какой-либо иерархии материалов. Отдельные факты, события и лица должны были быть просто показаны, но не расположены на какой-то системе координат, определяющей их значимость. Отдельные точки находились как бы на одной плоскости и их ценность определялась самим их наличием, потому что конечной целью работы Истпрофов был *исчерпывающий* материал по истории профессионального движения.

Последний раздел третьей главы *«Литература факта и материалы Истпрофов: “Семен Проскаков” Николая Николаевича Асеева»* посвящен примечательному примеру того, каким образом материалы Истпрофов нашли применение в литературе.

Научность Истпрофов развивалась в контексте, когда документ оказался в центре внимания не только историков. В это же самое время советские писатели, поэты, художники создавали работы в особом – документальном – ключе. В нем работали самые разные проекты от «Киноглаза» Дзиги Вертова, благодаря которому материал становился частью самого кинематографического произведения, без посредничества автора, до основанной на изучении воспоминаний и заводских архивов «История фабрик и заводов» Максима Горького. В этих проектах документ играл такую же роль, как и в сборниках материалов Истпрофов.

Материалы Истпрофов неожиданным, наверное, для самих членов комиссий образом нашли себе место не в монографиях «будущего историка», а в поэме левовца Н.Н. Асеева «Семен Проскаков», опубликованной в 1928 г. Н.Н. Асеев готовил свою поэму к десятилетнему юбилею Октябрьской революции и в подзаголовке обозначил ее как «стихотворные примечания к материалам по истории гражданской войны». В основе этих «примечаний» лежат воспоминания реального участника гражданской войны в Сибири шахтера-партизана С.И. Проскакова, также они содержат записи допроса Колчака, отчеты следователей, фотографии и другие материалы. Н.Н. Асеев задумал свое произведение как своеобразный поэтический репортаж, опирающийся на документальные свидетельства эпохи. Короткие отрывки из материалов перемежаются с главами поэмы, обозначая основные ее направления.

В **заключении** сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

Истпроф при ВЦСПС изначально работал в стенах Социалистической академии, но спустя некоторое время он переехал во Дворец труда, где располагались центральные органы профсоюзов. Если за первоначальным решением стояла логика профессионализации: исследователи должны работать вместе с исследователями, производство знания вынесено в отдельный институт, то помещение Истпрофа рядом с его непосредственным руководством означает инкорпорацию знания, превращение его в специфически профсоюзное. Корпоративность Истпрофов особенно ярко проявилась в том, как они боролись с Центрархивом за право распоряжаться союзными архивами. При этом сама система профсоюзов представляла собой не монолитную структуру, а сложный конгломерат, организованный одновременно по двум принципам: производственному и территориальному. Истпрофы работали как при отдельных производственных объединениях (металлистов, текстильщиков и т.д.), так и при отдельных территориальных организациях (Ленинградском, Московском губернских советах профсоюзов и т.д.); рассказывая об событиях, они следовали логике именно той иерархии, в которой работали.

Ключевой установкой, которой Истпрофы руководствовались в своей работе, был радикальный индуктивизм: представление о том, что научная история в своей основе должна иметь прочную фактическую базу. Оценки героев, анализ событий и законы истории должны с необходимостью выводиться из самих фактов социальной жизни. Поэтому деятельность комиссии в 1922–1928 гг. заключалась в разных формах накопления фактического материала для «будущего историка». На всесоюзном совещании Истпрофов в 1928 г. представители комиссий решили, что накоплено уже достаточно материала, чтобы перейти к написанию настоящей истории. Однако вскоре вся сеть Истпрофов была упразднена, поэтому они не успели развить деятельность в новом направлении.

Два контекста – инкорпорация профсоюзного историописания и его индуктивная научность – определили особое устройство производившегося Истпрофами текста. Несмотря на то, что Истпрофы отказывались писать историю до того, как будет собран исчерпывающий для нее материал, они за время работы опубликовали немало сборников, книг и брошюр. Прагматика таких изданий была не в том, что они создавали некую картину прошлого, а в том, что новые факты позволяли разрушить бытовавшие заблуждения. Отдельные факты не складывались пока в новую историю, но уже имели деструктивный заряд для того, чтобы разрушать старые.

Таким образом, данное диссертационное исследование представляет собой попытку проанализировать целостно работу сети Истпрофов в 1920-е гг. Помимо этого, оно делает вклад в дискуссию о сущности советского проекта в целом, подтверждая тезис о том, что претензии марксизма на научность должны рассматриваться историками серьезно. Несмотря на утопичность советского проекта, стремление большевиков реорганизовать общественную жизнь на рациональных началах оказывало большое влияние на все стороны жизни государства и общества, в том числе на то, каким образом функционировали неакадемические исторические проекты в 1920-е гг.

Благодарности

Автор хотел бы выразить глубокую признательность своему научному руководителю Вячеславу Вениаминовичу Шевцову за его неоценимый вклад в подготовку данного диссертационного исследования и, в особенности, за его всемерную помощь на завершающем этапе работы над ним. Автор также выражает искреннюю благодарность Сэмюэлю Хирсту, Анатолию Пинскому, Михаилу Марковичу Крому, Наталье Дмитриевне Потаповой, а также своим коллегам Тимофею Николаевичу Ракову и Михаилу Олеговичу Пискунову за их искреннее участие в исследовательском проекте и ценные рекомендации.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации:

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Гильминтинов Р. Р.** Институционализация Истпрофов в структуре советских профсоюзов / Р. Р. Гильминтинов // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 3 (37). – С. 28–36. – DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-28-36. – 0,86 а.л.

2. **Гильминтинов Р. Р.** Ученая комиссия по истории труда в России и петроградские профсоюзы в первой половине 1920-х гг. / Р. Р. Гильминтинов, В. В. Шевцов // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. – 2019. – Т. 27. – С. 65–72. – DOI: 10.26516/2222-9124.2019.27.65. – 0,58 / 0,38 а.л.

3. **Гильминтинов Р.** Радикальный индуктивизм Истпрофов в контексте раннесоветской историографии / Р. Гильминтинов // Россия XXI. – 2019. – № 2. – С. 64–83. – 1,3 а.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
Заказ № 15/09-19 от 10.09.2019 г. Тираж 100 экз.
г. Томск, пр. Ленина, 34а